

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 86–93.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 2 (18). P. 86–93.

Научная статья
УДК 81'33+81'42
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-86-93>

МЕТОД ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МАРКИРОВАНИЯ ПОНЯТИЙНЫХ ЕДИНИЦ (ИЗ ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ ОБ ЭКСТРЕМИЗМЕ)

**Александр Леонидович
Дединкин**

Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»
Витебск, Республика Беларусь
alexanderdedinkin@yandex.by
<https://orcid.org/0000-0003-1029-0788>

Аннотация. В статье даётся анализ используемых в Российской Федерации и Республике Беларусь методов судебной лингвистической экспертизы спорных текстов. По мнению автора, при использовании того или иного метода главной задачей эксперта-лингвиста является установление корреляции между юридическими фактами, отраженными в речевых произведениях, и соответствующими лингвистическими признаками. Автор констатирует, что в Республике Беларусь при анализе текстов предположительно экстремистского содержания роль эксперта зачастую сводится лишь к констатации выявленных языковых параметров, что в ряде случаев не позволяет правоприменителю использовать выводы лингвиста для точной квалификации состава правонарушения. Опираясь на многолетний опыт проведения судебных лингвистических исследований в качестве эксперта вне экспертной организации, автор предлагает использовать в экспертной практике по делам об экстремизме метод лингвистического маркирования понятийных единиц. Использование данного метода при исследовании экстремистских материалов предполагает определенный алгоритм действий. В первую очередь эксперт должен установить наличие лингвистических маркёров, значимых для юридической оценки речевого акта как публичного (открытость при передаче информации адресантом и возможность восприятия информации адресатом). Далее эксперт должен выявить лингвистические маркёры, коррелирующие с признаками тех вербальных правонарушений, о которых идёт речь в постановлении о назначении экспертизы: наличие побудительной интенции, наименование способа совершения действия, указание на объект действия и вербализация адресата.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, экстремизм, экстремистские материалы, спорный текст, лингвистическое маркирование.

Для цитирования: Дединкин А. Л. Метод лингвистического маркирования понятийных единиц (из экспертной практики по делам об экстремизме) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 86–93. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-86-93>

Сведения об авторе: А. Л. Дединкин – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин, Витебский филиал Международного университета «МИТСО», 210015, Республика Беларусь, г. Витебск, ул. М. Шагала, 8А.

© Дединкин А. Л., 2024

Scientific Article
UDC 81'33+81'42
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-86-93>

THE METHOD OF LINGUISTIC LABELING OF CONCEPTUAL UNITS (FROM EXPERT PRACTICE IN CASES OF EXTREMISM)

Aliaksandr L. Dziadzinkin

Vitebsk Branch of International University
«MITSO»
Vitebsk, Belarus, alexanderdedinkin@yandex.by
<https://orcid.org/0000-0003-1029-0788>

Abstract. The article provides an analysis of the methods of forensic linguistic examination of disputed texts used in the Russian Federation and the Republic of Belarus. According to the author, when using a particular method, the main task of a linguist expert is to establish a correlation between the legal facts reflected in speech works and the corresponding linguistic features. The author states that in the Republic of Belarus, when analyzing texts of allegedly extremist content, the role of an expert is often reduced only to stating the identified language parameters, which in some cases does not allow the law enforcement officer to use the conclusions of a linguist to accurately qualify the offense. Based on many years of experience in conducting forensic linguistic research as an expert outside an expert organization, the author suggests using the method of linguistic labeling of conceptual units in expert practice in cases of extremism. The use of this method in the study of extremist materials involves a certain algorithm of actions. First of all, the expert must establish the presence of linguistic markers that are significant for the legal assessment of a speech act as public (openness in the transmission of information by the addressee and the possibility of information perception by the addressee). Next, the expert must identify linguistic markers that correlate with the signs of those verbal offenses referred to in the decision on the appointment of an expert examination: the presence of an incentive intention, the name of the method of performing the action, an indication of the object of the action and the verbalization of the addressee.

Keywords: linguistic expertise, extremism, extremist materials, controversial text, linguistic labeling.

For citation: Dziadzinkin, AL 2024, 'The Method of Linguistic Labeling of Conceptual Units (from Expert Practice in Cases of Extremism)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (18), pp. 86–93, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-86-93> (in Russ.)

Information about the Author: *Aliaksandr L. Dziadzinkin* – Associate Professor, PhD in History, Professor of the Department of Law and Social Sciences and Humanitie, Vitebsk Branch of International University «MITSO», 8A M. Shagall Str., Vitebsk, 210015, Belarus.

Введение

Общество на протяжении истории сталкивается с целым рядом угроз, наиболее опасной из которых является экстремизм. В сознании людей экстремистская деятельность представляется как деструктивное явление, несущее угрозу общественному порядку и государственной безопасности.

Наиболее часто мы встречаемся с такими видами экстремизма, как расовый, национальный, религиозный, политический, языковой. При этом данный перечень не является исчерпывающим, соответственно можно говорить и об экстремистских действиях в отношении мигрантов, сотрудников правоохранительных органов, представителей тех или иных альтернативных субкультур.

В связи с тем, что важнейшей формой противодействия экстремизму является судебная лингвистическая экспертиза, цель данного исследования – обосновать необходимость использования разработанного нами метода лингвистического маркирования понятийных единиц как инструмента исследования речевых произведений экстремистского содержания.

Материалы и методы

Методология проведенного исследования включает общенаучные методы обобщения, систематизации и интерпретации. В процессе исследования использованы языковые материалы из собственной практики проведения по заданиям органов следствия и дознания экспертизы экстремистских текстов.

Исследование

В международных правовых актах в отношении дефиниции термина «экстремизм» имеются разночтения.

В резолюции 68-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (от 18.12.2013) с экстремизмом связываются действия, которые «порождают распространение ненависти», «наносит ущерб благополучию человечества», «ставят под угрозу безопасность человеческих сообществ». При этом дефиниция экстремизма не приводится. Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе» (от 29.09.2003) определяет экстремизм как антидемократическую форму политической деятельности, основанную на нетерпимости и ксенофобии. В Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (от 15.06.2001) экстремизм рассматривается как действие, имеющее цель захват власти или насильственное изменение конституционного строя.

В Законе Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» (2007) дано определение исследуемого нами феномена посредством перечисления форм его проявления. Во-первых, это непосредственно-деятельностные формы (к примеру, насильственное изменение конституционного строя, создание незаконных вооруженных формирований и т. д.). Во-вторых, это опосредованно-деятельностные формы, содействующих распространению экстремизма (к примеру, финансирование экстремистских организаций). В-третьих, это вербальные формы (к примеру, пропаганда нацистской символики, осуществление публичных призывов к экстремистской деятельности и т. д.).

Одной из форм противодействия экстремизму является судебная лингвистическая экспертиза.

В Республике Беларусь в соответствии с действующим методическим инструментарием при анализе текстов предположительно экстремистского содержания роль эксперта зачастую сводится лишь к констатации выявленных языковых параметров. В ряде случаев такой подход не позволяет правоприменителю использовать выводы лингвиста для четкой квалификации состава правонарушения.

В юрислингвистике поиск решения обозначенной нами проблемы начался уже давно. Так, члены Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам [4] для проведения экспертиз выявили наиболее употребительный набор юридических категорий. Содержание данных категорий авторами определяется через их языковое значение, включающее несколько сем (к примеру, «оскорбление» = унижение (умаление) чести или достоинства + неприличная форма + умышленность). Схожая позиция нами выявлена в исследовании Т. М. Изотовой и Д. И. Архаровой [1]. Безусловно, этот подход имеет рациональную основу, но имеющийся «набор терминов и их сем» нуждается в систематической актуализации и корректировке в связи с изменяющимся законодательством. Кроме этого, предлагаемые авторами формулировки вопросов к эксперту мы не можем назвать допустимыми. К примеру, типовой вопрос о том, присутствуют ли в тексте высказывания, содержащие оскорбление, вынуждает лингвиста давать юридическую квалификацию выявленных фактов, что находится за пределами его компетенции.

Мы отчасти соглашаемся с А. Н. Барановым, который отмечает, что при отсутствии в тексте юридического документа той или иной дефиниции, она является лингвистически определяемой [3]. Вместе с тем истолковывать, к примеру, юридическую категорию «дискредитация» лишь посредством её семантического анализа или обращения к нормативным словарям считаем недостаточным. Вряд ли таким путём можно осуществить переход из лингвистической парадигмы в юридическую. Выводы эксперта в таком случае могут стать лишь примерными ориентирами для принятия решения правоприменителем.

В работах М. А. Осадчего [10; 11] обоснован метод параметрического моделирования юридических категорий, обозначающих вербальные правонарушения. Исследователь полагает, что семантическая основа понятия имеет, как лингвистические (лексико-грамматические, стилистические), так и правовые параметры, отражающие юридические последствия распространения тех или иных сведений. Схоже «состав» вербальных правонарушений определяет И. А. Стернин [14]. В целом мы поддерживаем применение данных методологических подходов в экспертной практике, однако с оговоркой, что лингвист должен определять только языковые параметры, в то время как юридические будут устанавливаться следствием и судом.

При разработке типовых методик диагностики признаков вербальных правонарушений особое внимание заслуживают подходы С. В. Дорониной [6] и Г. В. Кусова [8].

С. В. Доронина при анализе спорных текстов предлагает использовать метод дискурсивного анализа, целью которого является определение социального контекста, стоящего за речевым актом. Так, посредством комплекса семантических и прагматических приёмов автором выявлены признаки речевой провокации, в том числе в высказываниях с имплицитным смыслом.

Г. В. Кусов через имплицитные «коммуникативные мишени» предлагает разделять спорный текст на понятные для правоприменителя единицы. Под коммуникативной мишенью исследователь понимает определённую социальную ценность (честь, достоинство), подсознательно включенную в оценочную часть речевого акта (к примеру, того же оскорбления). Именно через данные «мишени» эксперт предлагает диагностировать любые вербальные правонарушения. Несмотря на убедительность авторских позиций, в судебной экспертологии указанные выше методы ещё не в полной мере признаны верифицированными.

Ещё одним из возможных способов решения рассматриваемой нами проблемы является использование экспертных понятий [7; 13]. Данный термин был введён в научный оборот А. Н. Лавриновичем и А. С. Голевым [9]. В рамках этого

подхода эксперт-лингвист будет «конструировать» экспертные понятия, которые станут «переходным мостом» из лингвистики в юриспруденцию. Экспертные понятия будут учитываться в качестве признаков объективной стороны состава правонарушения (например, экспертное понятие «унизительная оценка лица» будет использовано при диагностике оскорбления как вербального правонарушения). Полагаем, что применение экспертных понятий является оправданным, однако следует учитывать, что эксперт-лингвист может пользоваться при анализе спорных текстов только теми понятиями, которые закреплены в словарях юрлингвистических терминов.

Опираясь на многолетний опыт проведения судебных лингвистических исследований в качестве эксперта вне экспертной организации, работу в составе Витебской областной комиссии по проведению оценки символики и атрибутики, информационной продукции на предмет наличия (отсутствия) в них признаков проявления экстремизма, предлагаем использовать в экспертной практике по делам об экстремизме разработанный нами метод лингвистического маркирования понятийных единиц.

Использование указанного нами метода при исследовании спорных текстов предположительного экстремистского содержания предполагает определенный алгоритм действий.

В первую очередь эксперт должен установить наличие лингвистических маркёров, значимых для юридической оценки речевого акта как публичного.

В отечественном законодательстве к публичным актам относятся либо устное выступление перед широкой аудиторией, либо размещение материалов в средствах массовой информации или глобальной сети Интернет. Таким образом, публичность в юриспруденции подразумевает обращенность действий к неопределенному кругу лиц [2].

Лингвистические маркёры публичности мы определяем исходя из содержания модели коммуникации Р. О. Якобсона («адресант – информация – адресат») [15]. В таком случае распространение информации адресантом должно быть открытым, а адресат должен иметь возможность эту информацию воспринять. Если же адресант стремится исключить из процесса коммуникации третьих лиц (к примеру, использует криптографию), то приватность речевого акта будет сохранена. Также коммуникация не станет публичной, если у адресата при восприятии информации возникнут фонетические, семантические или иные языковые барьеры.

Доказав, что речевой акт является публичным, эксперт устанавливает наличие лингвистических маркёров, коррелирующих с признаками конкретных вербальных правонарушений.

В качестве примера определим лингвистическую составляющую юридического понятия «призыв к захвату государственной власти».

В соответствии с диспозициями статей 1 Закона Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» и 361 УК Республики Беларусь под призывом к захвату государственной власти понимается форма воздействия на сознание людей с целью склонить их к участию в мероприятиях по:

- отстранению от исполнения обязанностей законно избранных представителей и возведению на их место других;
- роспуску законно избранных органов государственной власти;
- установлению единоличной власти конкретного лица на основе узурпации им полномочий.

С точки зрения юриспруденции, призывы всегда носят общий характер, тем самым отличаются от подстрекательства к совершению правонарушения конкретным лицом.

В лингвистике призыв как особый тип побудительного речевого жанра [12] имеет следующую семантическую схему: «хочу, чтобы ты сделал это / говорю это, потому что хочу, чтобы ты это сделал / знаю, что ты это сделаешь, потому что ты знаешь, что ты обязан делать то, что я хочу, чтобы ты делал» [5, с. 69–71]. Исходя из данного положения, укажем лингвистические маркёры, коррелирующие с юридическим понятием «призыв к захвату государственной власти»:

1. Наличие побудительной интенции.

Для квалификации речевого акта как призыва соответствующий лингвистический маркёр должен присутствовать в обязательном порядке. Призыв обычно выражается повелительным наклонением глагола («*Не будет толку, пока не прольётся кровь! Выходи гасить диктатуру!*») или семантически эквивалентными формами в составе восклицательных высказываний («*Сметём эту власть с лица земли!*», «*Усе – на площчу!*»). Возникают также речевые ситуации, когда призыв выражен так называемым «мягким волеием» («*Настал час уничтожить эту систему*», «*Разве можно терпеть эту хунту?*»).

2. Наименование способа совершения действия.

Данный лингвистический маркёр является содержательным критерием определения «экстремистского» значения. Соответственно, эксперт-лингвист должен назвать те лексемы, которые соответствуют по смыслу определённым в законодательстве способам реализации захвата государственной власти (применение насилия, угроза насилием, осуществление террористических актов, воспрепятствование законной деятельности органов власти и т. д.). При этом важно учитывать уровень конкретизации лексем, обозначающих способ совершения действия. Например, если в спорном тексте используются глаголы с выраженным значением («*выгони*», «*уничтожь*»), то призыв будет успешным. В ситуации, когда значение глаголов является абстрактным («*мы должны решиться*», «*надо что-то делать*») призыв может не найти должного отклика у адресата.

3. Указание на объект действия.

По аналогии со способом совершения действия в ходе лингвистического исследования эксперт должен выявить используемые в спорном тексте лексемы, соответствующие юридической категории «государственная власть». Такими лексемами могут быть «*власть*», «*государство*», «*правительство*», «*система*», «*бюрократия*», «*режим*», «*хунта*», «*диктатура*» и т. д. Примерами высказываний, имеющих указание на конкретный объект действия, являются: «*Разрушим этот режим!*», «*Правительство – на свалку!*». Отметим, что далеко не в каждом случае контекст позволяет исследователю эксплицировать объект.

4. Вербализация адресата.

В случае вербализации в спорном тексте адресата призыв к совершению экстремистской деятельности, безусловно, будет более успешным (для сравнения: «*Белорусы, скажем власти «Нет»!*» и «*Скажем власти «Нет»!*»). При этом если адресат не выражен, но другие лингвистические маркёры установлены, коммуникативный акт можно квалифицировать как призыв к захвату государственной власти. Данный лингвистический маркёр не имеет существенного значения при корреляции с соответствующим юридическим понятием.

Заключение

Важнейшей формой противодействия экстремизму является судебная лингвистическая экспертиза. В связи с этим эксперт-лингвист должен предоставить правоприменителю неоспоримые доказательства для дальнейшей квалификации состава правонарушения, а в нашем случае – установить корреляцию между юридическими фактами, отраженными в форме текстов предположительно экстремистского содержания, и соответствующими лингвистическими признаками.

Проблемой установления корреляции между юридическими фактами и их лингвистическими признаками занимался целый ряд авторов. К примеру, члены ГЛЭДИС определяли содержание юридических терминов через их языковое значение, включающее несколько сем, М. Осадчим для этого использован метод параметрического моделирования юридических категорий, Г. Кусовым предложен метод поиска в спорном тексте «коммуникативных мишеней». На наш взгляд, при квалификации состава правонарушений экстремистской направленности целесообразно руководствоваться разработанным нами методом лингвистического маркирования понятийных единиц.

Список источников и литературы

1. Архарова Д. И., Изотова Т. М. К вопросу о лингвистической методике построения дефиниций юридических понятий // Теория и практика судебной экспертизы. 2008. № 4 (12). С. 189–193.
2. Бажин Д. А. К вопросу о понимании публичности в уголовном праве // Российский юридический журнал. 2011. № 2. С. 162–168.
3. Баранов А. Н., Ерохина Л. А. Оскорбление и унижение как языковые и правовые феномены // Русский язык: исторические судьбы и современность : VI Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 20–23 марта 2019 г.) : труды и материалы / под общ. ред. М. Л. Ремнёвой и О. В. Кукушкиной. М.: Изд-во МГУ, 2019. С. 312–313.
4. Бельчиков Ю. А., Горбаневский М. В., Жарков И. В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. М.: Информкнига, 2010. 208 с.
5. Бринев К. И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М.: Либроком, 2016. 200 с.
6. Доронина С. В. «Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам // Политическая лингвистика. 2015. № 3. С. 245–249.
7. Кузнецов В. О. К вопросу об экспертных понятиях в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. № 1 (15). С. 29–41.
8. Кусов Г. В. Судебная лингвистическая экспертиза: понятие, принципы, процессуальное значение. Краснодар: ЮГ, 2012. 284 с.
9. Лавринович А. Н., Голев А. С. Экспертные понятия в практике судебной психолого-психиатрической экспертизы. М.: Акад. наук СССР, 1989. 44 с.
10. Осадчий М. А. Судебно-лингвистическая экспертиза вербальных форм проявления экстремизма с учетом изменений от 27.07.2006 // Уголовный процесс. 2006. № 10. С. 37–42.
11. Осадчий М. А. Русский язык на грани права: функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Либроком, 2013. 256 с.
12. Салихова Э. А. К вопросу о вербальной реализации призыва // Политическая лингвистика. 2019. № 2 (74). С. 167–176.
13. Сафуанов Ф. С. Как построить предметный вид судебно-психологической экспертизы // Психология и право. 2017. № 1 (7). С. 220–239.
14. Основные понятия лингвокриминалистической экспертизы / И. А. Стернин [и др.]. Ярославль: Канцлер, 2013. 80 с.
15. Якобсон Р. О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 460 с.

References

1. Arkharova, DI 2008, 'K voprosu o lingvisticheskoy metodike postroyeniya definitsiy yuridicheskikh ponyatiy' (On the issue of the linguistic methodology for constructing

- definitions of legal concepts), *Theory and Practice of Forensic Science*, vol. 12, no. 4, pp. 189–193. (In Russ.).
2. Bazhin, DA 2011, 'K voprosu o ponimanii publichnosti v ugovnom prave' (On the understanding of publicity in criminal law), *Russian Juridical Journal*, no. 2, pp. 162–168. (In Russ.).
  3. Baranov, AN 2019, 'Oskorbleniye i unizheniye kak yazykovyye i pravovyye fenomeny' (Insult and Humiliation as Language and Law Phenomena), *Russkiy yazyk: istoricheskiye sudby i sovremennost. VI Mezhd. kongress issledovateley russkogo yazyka* (Russian language: historical destinies and modernity. 6th Int. Congress of Russian Language Researchers), March 20–23, MGU publ, Moscow, pp. 312–313. (In Russ.).
  4. Belchikov, YuA 2010, *Metodicheskiye rekomendatsii po voprosam lingvisticheskoy ekspertizy spornykh tekstov SMI* (Methodological recommendations on the issues of linguistic expertise of controversial media texts), IPK «Informkniga» publ, Moscow. (In Russ.).
  5. Brinev, KI 2016, *Spravochnik po sudebnoy lingvisticheskoy ekspertize* (Handbook of Forensic Linguistic Expertise), Librokom publ, Moscow. (In Russ.).
  6. Doronina, SV 2015, '«Komandir! Mozhet, dogovorimsya?»: priemy diskursivnogo analiza v lingvisticheskoy ekspertize tekstov po antikorrupcionnym delam' ("Let's agree, commander!": The methods of discourse analysis in the linguistic examination of corruption speech crimes), *Political Linguistics*, no. 3, pp. 245–249. (In Russ.).
  7. Kuznetsov, VO 2020, 'K voprosu ob ekspertnykh ponyatiyakh v sudebnoy lingvisticheskoy ekspertize' (On the Issue of Expert Terms in Forensic Linguistics), *Theory and Practice of Forensic Science*, vol. 15, no. 1, pp. 29–41. (In Russ.).
  8. Kusov, GV 2012, *Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza: ponyatiye, printsipy, protsessualnoye znachenie* (Forensic linguistic expertise: concept, principles, procedural significance), Izdatelskiy Dom – YuG publ, Krasnodar (In Russ.).
  9. Lavrinovich, AN 1989, *Ekspertnyye ponyatiya v praktike sudebnoy psikhologo-psikhiatricheskoy ekspertizy* (Expert concepts in the practice of forensic psychological and psychiatric examination), Akad. nauk SSSR publ, Moscow (In Russ.).
  10. Osadchiy, MA 2006, 'Sudebno-lingvisticheskaya ekspertiza verbalnykh form proyavleniya ekstremizma s uchetom izmeneniy ot 27.07.2006' (Forensic linguistic examination of verbal forms of extremism, taking into account the changes of 27 July 2006), *Ugolovnyy protsess*, no. 10, pp. 37–42. (In Russ.).
  11. Osadchiy, MA 2013, *Russkiy yazyk na grani prava: funktsionirovaniye sovremennogo russkogo yazyka v usloviyakh pravovoy reglamentatsii rechi* (The Russian language on the verge of law: the functioning of the modern Russian language in the context of legal regulation of speech), Librokom publ, Moscow. (In Russ.).
  12. Salikhova, EA 2019, 'K voprosu o verbalnoy realizatsii prizyva' (To the Question of the Verbal Realization of Appeal), *Political Linguistics*, vol. 74, no. 2, pp. 167–176. (In Russ.).
  13. Safuanov, FS 2017, 'Kak postroit predmetnyy vid sudebno-psikhologicheskoy ekspertizy' (How to construct a subject type of forensic psychological examination), *Psychology and Law*, vol. 7, no. 1, pp. 220–239. (In Russ.).
  14. Sternin, IA 2013, *Osnovnyye ponyatiya lingvokriminalisticheskoy ekspertizy* (The basic concepts of linguistic forensic analysis), Kantsler publ, Yaroslavl. (In Russ.).
  15. Yakobson, RO 1985, *Izbrannyye raboty* (Selected works), Progress publ, Moscow. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию: 24.05.2024
Одобрена после рецензирования: 13.09.2024
Принята к публикации: 13.09.2024

The article was submitted: 24.05.2024
Approved after reviewing: 13.09.2024
Accepted for publication: 13.09.2024